

период достаточно мал для наблюдения таких глубинных процессов, даже незначительные изменения нужно принимать во внимание. При этом мы наблюдаем устойчивую динамику, что позволяет говорить о значимости произошедших изменений. В целом полученные результаты коррелируются с данными по РФ, соответственно можно утверждать, что мы наблюдаем проявление одних и тех же социально-демографических процессов.

Особенностью рассматриваемого региона является наличие большого числа молодых городов, которые демонстрировали более высокую интенсивность указанных процессов, что можно объяснить концентрацией молодых возрастов и высокой миграцией.

Определяющими факторами, вызвавшими к жизни данное явление, можно считать возросшую социальную активность населения под влиянием урбанизации и либерализации. Можно согласиться с А.Г. Вишневым, что наблюдаемая трансформация семейно-брачных отношений стала результатом общего модернизационного сдвига, произошедшего в России в XX в. [3].

Литература

1. Антонова М.В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950 – 1960-е годы (на материалах Ленинграда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.
2. Бегизардов Я.Н. Динамика естественного прироста городского населения Красноярского края в 1959–1991 гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: мат-лы V краеведческих чтений. – Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005.
3. Вишневецкий А.Г. Эволюция российской семьи. – URL: <http://elementy.ru/lib/430652>.
4. Власов Л.Г. Новый район освоения: исторический опыт, уроки (по материалам западного участка БА-Ма) 1970 – 1980-е гг. – Улан-Удэ, 2004.
5. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск, 1991.
6. Итоги всесоюзной переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // demoscope.ru.
7. Куцев Г.Ф. Новый город. Социологический очерк на материалах Сибири. – М., 1982.
8. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. – М., 1976.
9. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т.2. 1940–1959. – М., 2001.
10. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т.3. – Кн.1: 1960–1979. – М., 2005.
11. Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950 – 1980-е гг. Исторические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2003.
12. Чернова Ю.В. Новые города Иркутской области (1950 – 1980 гг.). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2002.

УДК 94(47)

В.Н. Долбик

ИСТОРИЯ СПЕЦСЛУЖБ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

В данной статье осуществляется краткий выборочный обзор материалов по истории спецслужб России (XIX в. – 1917 г.), опубликованных в журнале «Отечественная история» в 2000–2007 гг., отражающих их роль и место в жизни государства.

Ключевые слова: охранка, жандарм, Отдельный корпус жандармов, политическая полиция, Департамент полиции, МВД России, III отделение собственной Его императорского Величества канцелярии, контрразведка, военный агент.

SECRET SERVICE HISTORY IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA
ON THE PAGES OF "NATIONAL HISTORY" MAGAZINE

Brief review of the data on the Russian secret service history (XIX -1917), which were published in the "National History" magazine in 2000-2007 and reflected their role and place in state life is done in the article.

Key words: secret police, gendarme, Separate corps of gendarmes, political police, Police Department, Interior Ministry of Russia, III Department of His Imperial Majesty's own office, counterintelligence, military agent.

В журнале «Отечественные история» нередко публикуются материалы о политической полиции России, хотя развернутых, обстоятельных исследований по данной тематике в нем явно не достаает. И тем не менее заслуживает внимания ряд публикаций о полицейских органах царской России. Так, в рецензии на книгу коллектива авторов «Жандармы России. Политический розыск в России. XV –XX вв.» И.П. Лейберов отмечает, что «... во всех очерках звучит одна из важнейших для России тем: противостояние общества и государства, недоверие верховной власти к своим подданным, включая и их элиту... Авторы показывают, что политический розыск в целом всегда оставался лишь инструментом, пусть и важным, в руках руководителей государства и не был способен самостоятельно изменить общее направление развития страны» [1, с.181]. Мысль, на наш взгляд, интересная, если учесть, что применительно к царской России многие исследователи приходили и приходят к выводу, что режим в стране к 1917 г. прогнил и исчерпал себя (это же отмечали и очень многие современники, свидетели событий тех лет). А «важный инструмент» – политический розыск – не смог предотвратить трагедии крушения монархии в России. Следует отметить, что рецензент, видимо, следуя за автором одной из статей сборника – З.И. Перегудовой, завышает оценку центрального аппарата российской полиции и его кадров в способности на протяжении большей части истории Департамента полиции осуществлять достаточно эффективное руководство политическим розыском и профессиональных качеств чинов данного ведомства. Далее рецензент, ставя под сомнение искренность воспоминаний одного из жандармских офицеров, отмечает его признание: «охранников не переносил органически», что он был далек от политического сыска и что таких, как он, либеральных офицеров было много [1, с.182].

И.П. Лейберов, видимо, солидарен с выводом, к которому пришла З.И. Перегудова в вопросе о том, что «вся совокупность документов, которые на сегодняшний день находятся в распоряжении историков, не позволяют сделать вывод о том, что Сталин был агентом полиции» [1, с.182].

Вопрос о том – был ли Сталин агентом полиции – волнует немало исследователей. В частности, им занимался А.В.Островский, написав книгу «Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья» о дореволюционном периоде жизни и деятельности Сталина. Рецензенты этой книги И.П. Лейберов и Н.К. Юрковский отмечают, что вслед за З.И. Перегудовой Островский показывает, что серьезных доказательств связей Сталина с полицией не существует, а четкого ответа на вопрос: кто стоял за спиной Сталина? – у него нет [2, с.174]. Одновременно рецензенты констатируют более или менее либеральные тюремные порядки царского времени, а также труднообъяснимый либерализм и нерадивость полиции по отношению к революционерам. Рецензентам представляется, что, по-видимому, охранка при преследовании и репрессировании революционеров могла испытывать определенное давление со стороны семейно-родственных, клановых и земляческих связей, столь характерных для Кавказа [2, с.175]. Это, на наш взгляд, ослабляло деятельность полицейских органов.

А.Д. Степанский рецензирует двухтомник мемуаров, вступительная статья, подготовка текста и комментарии к которым сделаны З.И. Перегудовой. В сборник включены воспоминания четырех представителей политической полиции царской России последних лет ее существования. Все авторы воспоминаний, вошедших в рецензируемое издание, имели большой опыт работы, в том числе и руководящей, в охранных органах: А.В. Герасимов («На лезвии с террористами») возглавлял Петербургское охранное отделение; П.П. Заварзин («Работа тайной полиции», «Жандармы и революционеры») руководил Московским охранным отделением; А.П.Мартынов («Моя служба в Отдельном корпусе жандармов») руководил Московским охранным отделением; А.Т. Васильев («Охрана: русская секретная полиция»), последний директор Департамента полиции царской России. В рецензии поднята тема законности деятельности «охранки», и А.Д. Степанский, ссылаясь на автора мемуаров П.П. Заварзина, приводит его

мнение о том, что «обвинение розыскных органов в злобной провокации и прочих преступлениях лишается даже тени обоснованности» [3, с.160]. На наш взгляд, в закамуфлированной форме провокация в деятельности политической полиции всегда имела место. И не только в деятельности П.И. Рачковского и М.С. Комиссарова, как напоминает рецензент, ссылаясь при этом на комментарий З.И. Перегудовой, и от себя добавляет, что в публикуемых воспоминаниях встречаются сообщения о случаях, когда охранники специально организовывали группы и действия, разоблачение которых свидетельствовало бы об их усиленной работе, требующей соответствующих наград [3, с.161].

В рецензии А.Д. Степанского приводятся противоречивые и неясные оценки о качестве работы «охранки». Ссылаясь на авторов воспоминаний, он пишет о низкой квалификации (и просто лени) едва ли не большинства чиновников охранного ведомства, об искусственном усложнении системы делопроизводства. И тут же признается, что деятельность «охранки» оценивается ее руководителями положительно.

А.Д. Степанский ставит вопрос: «Но что же произошло в 1917 г.?» В поисках ответа он использует «соображения» из воспоминаний А.П. Мартынова: «Если же рассматривать роль подполья в смысле непосредственного фактора, приведшего к революции, – она была ничтожна. Я настаиваю на этом утверждении... Организованное революционное подполье ...действуя от имени Российской социал-демократической рабочей партии, конечно не могло организовать той катастрофы, которая вылилась в Февральскую революцию» [3, с. 162].

Рецензент напоминает, что вопрос о том, кто сыграл руководящую роль в Февральской революции – революционеры или оппозиционеры, является актуальным и для современной историографии. И в связи с этим отмечает, что охранники в своих воспоминаниях слабо затрагивают тему массовых народных движений. Мы обращаем внимание на то, что «массовых народных движений» к моменту, когда начался верхами делиться пирог власти, в стране не было, и более того – революционное подполье было разбито «ударами розыскных органов», что явствует из воспоминаний А.П. Мартынова, использованных А.Д. Степанским в данной рецензии. А.П.Мартынов, на наш взгляд, справедливо выделяет противоправительственную деятельность оппозиции и то, что «верхи нашего министерства были скованы взаимодействием различных факторов, имевших решающее значение...» [3, с. 162]. Одновременно, на наш взгляд, это свидетельствует об ослаблении роли политической полиции государства.

Посетовав на то, что охранники в своих воспоминаниях «не думают о коренных пороках существующего строя, обрекавших его на гибель», рецензент, противореча им, заключает: «Никакая «охранка» уже не может спасти систему, исчерпавшую свои возможности» [3, с.162]. Хотя само по себе подобное заключение несет в себе заслуживающую внимания смысловую нагрузку. Добавим от себя: о том, что в старой системе были пороки, есть свидетельства и чинов «охранки», и бывших государственных и политических деятелей, современников тех событий. И царская власть порой эти пороки усугубляла сама. Но еще больший удар системе, на наш взгляд, наносили те, кто боролся против нее явно или скрыто, подчас используя революционное движение как подсобную, временно им нужную силу.

На наш взгляд, «охранка» оказалась под перекрестным огнем всех противоборствующих в стране разношерстных сил и была ими дискредитирована. Фактически ее деятельность к Февралю 1917 г. была парализована. Тем более рецензент отмечает, что авторы воспоминаний большое внимание уделяют внутренним конфликтам в охранном ведомстве. А это говорит, по нашему мнению, об отсутствии там единства, что в общем подтверждается и документально, и исследованиями.

В рецензии В.Н. Хаустова на очень интересное монографическое исследование американского историка Джонатана Дейли «Самодержавие в осаде. Охранная полиция и оппозиция в России (1866 – 1905гг.)» обращается внимание на позицию зарубежных историков, которых интересует множество вопросов: усилила ли политическая полиция царский режим и продлила ли его существование или, наоборот, способствовала краху самодержавной системы? и др. И все эти вопросы не сходят со страниц зарубежной исторической литературы. Рецензент метко выделил последовательность доказательств Дж. Дейли в том, что политическая полиция не являлась некоей самодовлеющей силой, а действовала в соответствии с тем, как правящая элита оценивала ситуацию в стране и какие конкретные задачи ставила перед российскими спецслужбами, не всегда верно оценивая при этом реальную угрозу режиму, исходившую от того или иного социального слоя, той или иной партии или ее лидера. Дж. Дейли выявляет причинно-следственные связи между реорганизациями тайной полиции и политическими и социальными процессами, происходившими на рубеже веков в России, ростом оппозиционных движений и организаций в период, последовавший за Великими реформами [4, с.180].

В рецензии не отмечены многоплановые амбициозные отношения среди членов правящего дома Романовых, различных кланов и отдельных лиц правящей верхушки чиновников и политических деятелей,

вливающих на реорганизацию полиции и использовавших ее. От себя добавим, что все эти силы в какой-то степени не только способствовали росту оппозиционных настроений, но и использовали революционные силы или слои, отдельных лиц в своих целях, перенося спектр их деятельности на международный уровень, а удержать ситуацию под контролем не смогли. Причем нами не исключается самостоятельность различного рода оппозиционного и революционного движений. Все это в конечном счете, по нашему мнению, вместе с другими факторами и причинами привело к тому, что полиция не смогла удержать в своих руках управление столь разновекторными процессами и проявить самостоятельную линию в деле спасения старой России.

В.Н. Хаустов обратил внимание на то, что в работе Дж. Дейли всесторонне отражены внутренние противоречия, обусловленные параллельным существованием Департамента полиции МВД России и Отдельного корпуса жандармов, определенным соперничеством между ними, взаимными упреками и обвинениями [4, с.181]. Видимо, на наш взгляд, это приводило к взаимному подсиживанию, слежке и блокированию мер, проводимых соперниками, а усугублялось подобное положение и воздействием различных лиц и клановых структур на органы безопасности России, и все это вкупе в немалой степени нейтрализовывало выполнение своих функций тайной политической полицией.

В рецензии обращено внимание и на содержащиеся в работе убедительные доказательства относительно либерального курса в карательной деятельности тайной политической полиции Российской империи. Приводятся сведения, что большинство сосланных за 1881–1904 гг. понесли наказание за антисоциальное поведение, а не за политические преступления. А из более чем 300 тыс. ссыльных, находившихся в 1897 г. в Сибири, лишь 1% был отнесен к категории политических преступников [4, с.181]. Здесь, пожалуй, будет уместно поставить вопрос: «А насколько правомерно такое сравнение числа понесших наказание за антисоциальное поведение с работой тайной политической полиции?» В какой-то степени противоречиво и неконкретно замечание рецензента В.Н. Хаустова о том, что использование огромного массива мемуарной литературы позволило автору работы привести факты о либеральном отношении представителей карательных органов к деятелям революционного движения, подвергавшимся полицейским преследованиям. И следом рецензент напоминает, что были факты и совсем другого рода, ссылаясь, в частности, на вывод историка царской тюрьмы М.Н. Гернета о самом тяжелом каторжном режиме для политических при царе-миротворце Александре III. В отношении же ссылки от себя предположительно заметим, что она использовалась различными управленческими структурами империи, как и полицией, чинами МВД (видимо нередко опосредованно, со скрытым смыслом) в каких-то интересах, далеких от понесения сосланными наказания. Многие ссыльные занимались разными научно-исследовательскими изысканиями на местах, поддерживая связи с границей, поэтому трудно даже сказать, кому больше досталось выгоды от их результатов исследований.

В.Н. Хаустов как значительную ценность в исследовании Дж. Дейли выделяет выявление им двух тенденций в развитии тайной полиции: с одной стороны, предпринимались постоянные попытки регламентировать ее деятельность, повысить роль правовых норм в процессе розыскных мероприятий и предварительного следствия, а с другой – отмечает постоянное использование властями чисто административных мер наказания, включая ссылку, являвшихся неотъемлемой частью деятельности тайной политической полиции. И в начале XX в. продолжало использоваться «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г., позволявшее объявлять некоторые местности на положении усиленной и чрезвычайной охраны, открывавшем широкую дорогу для административного произвола. Рецензент добавляет, что особенно широко внесудебная расправа с политическими противниками правящего режима практиковалась в 1905–1907 гг. Кроме того, в этот период свирепствовали военные и военно-полевые суды, вызвавшие многочисленные жертвы, а в целом карательная политика царизма в начале XX в. значительно ужесточилась (период революции как таковой остается за рамками исследования Дж. Дейли). Но далее рецензент касается карательной акции Тьера (за одну неделю мая 1871 г. он уничтожил безжалостно во Франции 20 тыс. коммунаров, зато установил во Франции достаточно крепкую власть), отмечая, что в России мучительное противостояние революционных сил и сил порядка продолжалось почти два года, так как с декабря 1905 г. по апрель 1906 г. было убито в ходе карательных мер царского правительства всего от 3 до 5 тыс. человек [4, с.181].

На основании сравнительного анализа организации политической полиции в республиканской Франции и монархической России Дж. Дейли делает вывод: традиционные утверждения о глубоких полицейских корнях, пронизывающих политическую структуру российского общества, являются не вполне объективными. И далее рецензент обращает внимание на то, что во французских префектурах численность политической полиции, наблюдавшей за настроениями различных социальных слоев, развитием рабочего движения, активностью партий и поведением их лидеров, вдвое превышала численность аналогичных

структур Отдельного корпуса жандармов Российской империи, а с учетом соотношения численности населения России и Франции это давало последней шестикратное превосходство над Россией в данной области. И автор рецензируемой монографии соглашается со справедливым, по его словам, утверждением Дж. Дейли о том, что система надзора за населением со стороны французской полиции была более эффективной, чем в России. А система паспортного контроля, существовавшая в тот же период в Германии и Австрии, позволяла гораздо жестче контролировать передвижение населения и действительно осуществлять розыск подозреваемых.

Остается сожалеть о неотмеченном рецензентом: армия агентов и осведомителей полиции в России была огромной и, видимо, не уступала в соотношении численности населения Франции. Другое дело, что в ходе февральско-мартовских событий 1917 г. и в последующие годы шло усиленное уничтожение полицейских документов и архивов. Но и без этого многие современники отмечали, и исследователи подтверждают, что Россия была плотно окутана густой сетью всякого рода полицейской агентуры.

Не высказал своего мнения рецензент о мероприятиях начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова, а лишь сослался на позицию Дж. Дейли, отметившего, что они открывали реальную перспективу сглаживания социальных противоречий в российском обществе и являлись удачно найденной формой организации рабочих, что позволило бы избежать революционных потрясений. На наш взгляд, эти мероприятия, получившие название «полицейский социализм», не могли состояться в России без широкой поддержки, которой С.В. Зубатов так и не получил. Да и само рабочее движение было слишком разношерстно и подвергалось воздействию разного рода сил, руководителей, вожаков, далеких от истинных интересов именно российских рабочих.

В рецензии фиксируется, что Дж. Дейли показал в целом достаточно высокий профессионализм сотрудников охранных отделений, но своего мнения В.Н. Хаустов по этому поводу не высказал. На наш взгляд, их уровень профессионализма оставлял желать лучшего, что находит подтверждение в ряде исследований и мемуарной литературе.

Известные примеры успехов политической полиции в борьбе с революционным движением несут на себе порой печать, на наш взгляд, хорошо продуманных и замаскированных провокаций различных кланов и внутри полицейских структур и МВД друг против друга. Относительно временный успех в таких случаях в определенной степени обеспечен, но в целом он не гарантирует установления прочной стабильности государству в целом. Исследователям еще немало предстоит поработать над вопросом: почему так много гибло полицейских от террора? Без пособничества самих чинов полиции, МВД такое массовое явление было бы, на наш взгляд, вряд ли возможно, не исключая того, что скорей всего они вынуждены были это делать под чьим-то давлением, но многие из них не желали этого. Хотя истинных виновников, организаторов данного явления уже вряд ли удастся выявить.

В рецензии О.В. Будницкого на сборник документов «Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.» (сост. Е.И. Щербакова, В.И. Кочанова, Н.Н. Парфенов, М.В. Сидоров) отмечается его ценность в том, что впервые в отечественной историографии предпринимается попытка осветить историю терроризма в России через призму материалов учреждений, занимавшихся политическим сыском, – III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и Департамента полиции. На основе материалов, включенных в сборник, О.В. Будницкий отмечает постепенный рост профессионализма борцов с крамолой, однако своего развернутого мнения по этому вопросу не излагает, констатировав, что при всем профессионализме розыскных органов действовали они нередко вслепую. На наш взгляд, о высоком уровне профессионализма розыскных органов говорить не приходится. Да и приведенные рецензентом факты подтверждают это. Касаясь феномена провокации при вербовке агентов в революционной среде, рецензент отмечает, что такие случаи были «далеко не единственными» [5, с.190]. Рецензенту следовало бы пояснить ряд своих высказываний: «Охранники зачастую преследовали цели, далекие от государственных интересов. Достаточно вспомнить многолетнего руководителя Заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковского» – и других. Мы ставим вопрос: «Так в чем же вина Рачковского?» Нам бы хотелось знать, какова доля интриг в его падении как деятеля, много знавшего, кто есть кто, и какими они не совсем благовидными делами занимаются?

О.В. Будницкий обращает внимание на то, что терроризм был неизменным спутником и важнейшей частью революционного движения, назвал его «весьма эффективным оружием», к которому рано или поздно обращались практически все партии России: эсеры, анархисты, социал-демократы и даже бундовцы. Он отмечает также, что наряду с идейным партийным терроризмом со временем появился новый тип терроризма и террористов, не отягощенных знанием партийных программ и революционных теорий. А террористические акты они готовили и осуществляли по собственному разумению, не считаясь с

партийными комитетами. Нередко это «экспроприаторство» вырождалось в обыкновенный бандитизм. Рецензент умолчал о том, как и насколько эффективно полиция боролась с такого рода терроризмом.

Как известно, МВД России активно участвовало в разработке и подготовке реформ 1860–1870-х гг., что нашло отражение в ряде публикаций. Этот же аспект затрагивается и в статье И.А. Христофорова «Аристократическая» оппозиция реформам и проблема организации местного управления в России в 50–70-е годы XIX века», отметившего отсутствие единства в подходах к реформированию страны среди высшей бюрократии, помещиков и МВД. В статье отмечается широкое распространение «конституционных» идей в среде политически активного поместного дворянства. От себя добавим, что в среде высшей бюрократии, разного рода общественно-политических группировок и некоторых политических деятелей, руководителей МВД с конца 1850-х гг. получает распространение идея о введении выборных членов в Государственный совет. И.А. Христофоров подмечает очень устойчивое сочетание требований предоставить дворянству большее влияние на местах с отстаиванием политического представительства в проектах П.А. Валуева [6, с.10], которого современники наряду с другими относили к «консервативному конклаву» в правительственной группировке. Отмечается, что П.А. Валуев в борьбе группировок никогда не становился полностью на чью-либо сторону, занимая свою позицию [6, с.17]. Видимо, на наш взгляд, в отличие от других сторонников «конституционных» идей он не строил своих личных амбициозных планов, могущих поколебать устойчивость существующего государственного строя, а пытался проводить осторожную, осмотрительную политическую линию.

Попутно отметим, что, например, идеи введения выборных в Государственный Совет во второй половине XIX в. придерживались многие политические и государственные деятели, среди которых были и представители дома Романовых, преследующие свои планы. В связи с этим обращает на себя внимание то, что во второй половине XIX в. земские оппозиционные деятели многих губерний, больших регионов страны собирались на тайные съезды. Удивительно, что полиции, МВД не удавалось их предотвратить. Такое возможно при условии или их пособничества, или их нейтрализации, или они вынуждены были закрывать на это глаза, испытывая на себе давление весьма влиятельных лиц и сил, возможно, уверявших их в том, что это требуется в интересах изменения ситуации в стране к лучшему или в тактических целях для выявления оппозиционно настроенных членов земского самоуправления, или по другим, обманного характера, причинам. Как бы это ни было, лавина либеральной оппозиционности в стране, можно сказать, почти беспрепятственно нарастала, пока это не закончилось активизацией либеральной оппозиции в 1904–1907 гг. и далее приходом либералов к власти и их отстранением от нее в 1917 г. Полиции, МВД так и не удалось, начиная со второй половины XIX в., противопоставить этому систему мер, предотвращавшую подобный исход событий. Более того, создается впечатление, что механизм нейтрализации полиции, МВД на случай создания критической ситуации в стране отработывался определенными силами уже давно, что наглядно и проявилось в самом начале 1917 г., перед так называемой Февральской революцией.

В статье Ф.А. Гаида «Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса третьеиюньской системы (1911–1917гг.)» поднят вопрос о взаимоотношениях высших чиновников империи и либеральной оппозиции. Одновременно в статье содержатся высказывания, мнения о либеральной оппозиции и ее отдельных деятелях со стороны высших чиновников Министерства внутренних дел и юстиции, Охранного отделения, но никак не отмечены предпринимаемые с их стороны конкретные меры, направленные на улучшение взаимоотношений и смягчение противоречий между сановниками империи и оппозицией и ее деятелями. Это, на наш взгляд, было весьма необходимо, но сановники империи так и не смогли выработать единый политический курс по отношению к оппозиции, а сходились только в одном – не идти на «хотя бы временную, но длительную приостановку деятельности Государственной думы». Автор статьи делает выводы, что правительство окончательно утрачивало контроль над ситуацией в стране, что и подготовило высших чиновников Российской империи к февральской капитуляции перед Государственной думой [7, с. 54]. А заодно и к капитуляции полицейских структур, как мы считаем, перед разыгравшейся в стране необузданной стихией всеобщего возмущения прежним режимом.

В статье Т.Н.Жуковской и К.С. Казаковой «Русский студент дореформенной эпохи: норма и повседневная жизнь корпорации» поднят и вопрос о существовании в университетах первой половины XIX в. инспекции, осуществлявшей надзор за студентами и по полицейской части. Причем студенты были подчинены надзору университетской инспекции и во время каникул [8, с. 67]. Но из статьи неясно: как же и кем курировалась и постоянно направлялась деятельность университетской инспекции по полицейской части, какими ведомствами? Отметим от себя: складывается впечатление, что университетские инспекции существовали автономно от органов политической полиции России, что у них не было единого координирующего органа в масштабе всей страны. Поэтому выглядят противоречиво заявления авторов статьи, что «всевидящее око» политической полиции неустанно наблюдало за малейшими признаками

превращения корпоративных организаций студентов в «тайные общества», имеющие «цель политическую», а свобода отношений, царящая внутри университетских стен, корректировала полицейский дух управления университетами [8, с.73–74]. Из статьи можно вынести мнение о несостыковке или отсутствии координации в осуществлении полицейских функций в университетах, что, возможно, хоть как-то ослабляло позиции политической полиции в осуществлении долговременной перспективы обеспечения стабильности государства.

Статья А.Ю. Володина «Фабричная инспекция в России (1882–1904 гг.)» касается вопроса о провале настойчивых, но неудачных попыток МВД России передать фабричную инспекцию, находившуюся в ведении других ведомств, в свое подчинение [9, с. 27]. К сожалению, автор не раскрыл причин противодействия этому. Возможно, это, как часто бывало в России, связано с ведомственными, материальными, амбициозными интересами различных кланов, структур, лиц. Однако, на наш взгляд, это ослабляло выполнение в полном объеме своих функций полицией на промышленных предприятиях. В связи с этим говорить об осуществлении полицейского «социализма» Зубатова или кого-нибудь другого в масштабе всей страны не приходится. Естественно, нами подразумевается, что это был только один из факторов, мешавший проведению в жизнь мероприятий полицейского «социализма».

Вопросы национальной политики царского правительства, в том числе в национальных окраинах России, и роли в ее осуществлении МВД находят отражение в журнале «Отечественная история». Так, в рецензиях Д. Шпопер, М.Д. Долбилова, А.В. Мамонова на монографию А.А. Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ» анализируются, дополняются, конкретизируются оценки предлагаемого и проводимого курса, деятельности и ее результатов виленскими генерал-губернаторами в Северо-Западном крае в контексте политической борьбы в правящих кругах Российской империи [10, с.180], включая Министерство внутренних дел. Из рецензий вырисовывается картина, что разногласия среди царских администраторов, усугубляемые личными амбициями, включая высших чинов МВД, не позволили выработать единой, стройной, глубоко продуманной программы управления данным краем, что, видимо, не способствовало устранению имеющихся здесь противоречий, в том числе на национальной почве, и достижению прочной, в перспективе стабильной ситуации. Спокойствие в губерниях этого края было относительным. Нельзя и забывать, что здесь широко пустили корни оппозиционное и революционное движения, и этот край оказался в числе одним из первых среди национальных районов России, где были созданы политические партии, в том числе социалистической ориентации.

В статье Ю.Л. Михайловой «Славянофилы и остзейский вопрос (40–60-е гг. XIX в.)» отмечается жесткая позиция цензуры и Министерства внутренних дел (и его чинов) в отношении славянофилов при обсуждении ими остзейского вопроса, правительственного курса в данном крае. Чтобы не обострять ситуацию и национальное противостояние, в 1864–1868 гг. принимается ряд мер по прекращению полемики по остзейскому вопросу. Так, в 1867 г. газета «Москва» после третьего цензурного предупреждения была закрыта на три месяца за порицание действий правительства, а также потому, что ряд статей «прямо противоречили закону 6 апреля 1865 г., воспрещавшему возбуждать вражду одной части населения государства против другой или в одном сословии против другого». В этом же году последовал запрет немецким газетам, издаваемым в остзейских губерниях, вести борьбу против «старорусской партии». Газета «Москва» была закрыта окончательно в 1868 г., когда обсуждение остзейского вопроса достигло пика, а в Прибалтике случился голод [11, с.57]. В статье недостает подробного анализа о том, какими мерами еще МВД, кроме запретительного характера, пыталось сгладить полемику противостоящих лагерей и устранить ее последствия.

Рецензенты книги «Российская государственность и государственная безопасность» В.С. Измозик и Б.А. Старков подчеркивают достоинство труда коллектива авторов, стремящихся показать не просто историю спецслужб, а место и роль спецслужб в обеспечении внутренней и внешней безопасности Российского государства. В исследованиях А.Б. Каменского ими выделено отсутствие понятий преступлений против государства в русском праве на протяжении ряда веков, подчеркнута, что практика, как всегда, значительно опережала юридическое закрепление тех или иных норм законодательства [12, с.184]. Из очерка Е.И. Щербаковой рецензентами подмечено, что деятельность III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1880 гг.), как и корпуса жандармов, проходила при отсутствии юридических норм, которые заменялись секретными инструкциями, а чины Корпуса жандармов лишь с 1871 г. должны были руководствоваться разработанным законодательством. На наш взгляд, это не привело к заметному ограничению произвола в деятельности спецслужб, что так старательно замалчивается или обходится стороной в исследованиях отечественных историков. Рецензенты констатируют подмеченное Е.И. Щербаковой соперничество III отделения и Министерства внутренних дел на примере кружка петрашевцев, запоздалость реорганизации полиции (она началась не сразу и была лишь частичной) в эпоху «великих реформ», когда поднялась невиданная ранее революционная волна [12, с.185].

В.С. Измозик и Б.А. Старков в исследовании З.И. Перегудовой выделили вопрос о качественном уровне работы органов политического розыска и их роли. З.И. Перегудова, высоко оценивая конкретную деятельность ряда высокопоставленных чинов политического розыска, их анализ сложившейся ситуации, приходит к важным выводам: «К революционным событиям 1917г. кадры политического розыска не были подготовлены в плане способности к эффективным действиям в экстремальных обстоятельствах, ...переняли все пороки исчерпавшего себя политического режима»; «Революционные события 1917 г., ровно как и их исход, определялись уже не деятельностью Департамента [полиции] и его подразделений, а слабостями и пороками самого режима». В доказательство З.И. Перегудова приводит целую сумму фактов: только в 1911 -1912 гг. были уволены 14 начальников ГЖУ и еще 13 намечены к увольнению. Заместитель директора ДП С.Е. Виссарионов в эти годы указывал на «явную неспособность весьма многих чинов жандармского надзора к службе», имея в виду, что это касается до 50% служащих. Легендарный Е.П. Медников в письме от 30 июня 1905 г. «фактически расписывался в полной несостоятельности службы наружного надзора, которую он возглавлял, и которая оказалась в итоге неспособной ни предотвратить, ни даже смягчить катаклизмы первой русской революции» [12, с. 185].

Здесь уместно нам будет добавить, что в рецензиях разных ученых, отмеченных в данной статье, на исследования З.И. Перегудовой приводятся несколько противоречивые оценки профессионального уровня работы органов политической полиции. Оценки, не совсем точно отражающие и передающие мнения данной исследовательницы. Нами замечены определенные элементы противоречий и в суждениях З.И. Перегудовой в данном вопросе.

Касаясь главы «Контрразведка царской России в первой мировой войне (1914–1917 гг.)», написанной А.А. Здановичем, рецензенты отметили его выводы о том, что понимание необходимости контрразведки у ряда высших чинов армии сталкивалось с недооценкой ее у многих их коллег, а в целом царская контрразведка оказалась не готова к мировой войне. И от себя В.С. Измозик и Б.А. Старков делают вывод о том, что, несмотря на деятельность отдельных талантливых чинов государственной безопасности, ее состояние в целом к 1917 г. отражало глубочайший кризис всей государственной системы.

Хотелось бы отметить вывод, к которому пришли В.С. Измозик и Б.А. Старков, так как он совпадает в какой-то степени с мнением автора данной статьи, изложенным им выше и сложившимся у него до прочтения их рецензии: «Февраль 1917 г. привел к крушению государственности имперского типа. Органы государственной безопасности оказались не в состоянии обеспечить ее существование и предотвратить революцию. Разведка и контрразведка, органы политического розыска были парализованы и арестованы» [12, с. 186].

А.М. Пегушев рецензирует книгу Е.Ю. Сергеева и А.А. Улуяна «Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах (1900–1914 гг.)». В трех главах основной части книги освещается деятельность российских военных агентов в Северной, Центральной, Западной Европе и на Балканах. Балканское направление рассмотрено наиболее полно во всех главах книги. Рецензент отмечает, что российские военные агенты на Балканах во многом предвидели, как будут развиваться здесь события и конфликты, неизбежно втягивая Россию в нарастающее противоборство между Сербией и Австро-Венгрией. Но вот никак не поясняется – почему не был предотвращен конфликт, приведший к началу Первой мировой войны. Хотя рецензент отмечает, что российские военные агенты, в отличие от «карьерных дипломатов», реалистично представляли военно-политическую ситуацию в Европе и верно оценивали военно-технический потенциал вероятных противников России в грядущей войне, и подчеркивает их профессионализм [13, с. 210–211].

А.П. Бородин в статье «П.Н. Дурново: портрет царского сановника» рисует картину состояния власти после Манифеста 17 октября 1905 г., когда С.Ю. Витте был занят «организацией» правительства, приведя свидетельства, что «существовавшая государственная власть как-то совершенно стала стусевываться, по крайней мере в главнейшей отрасли внутреннего управления – в министерстве внутренних дел, где она была сведена почти на нет». Отмечается мнение и одного из современных исследователей о П.Н. Дурново, когда он был министром внутренних дел: «В ретроспективе представляется, что ...без человека такой редкой широты ума и твердости во главе МВД государство вполне могло разрушиться зимой 1905 – 1906 гг. [14, с. 51–53]. Однако в статье никак не воспроизводится картина его мер и методов, мероприятий по укреплению МВД.

Из сделанного обзора материалов журнала «Отечественная история» за 2000–2007 гг. по истории спецслужб России в XIX веке и до 1917 г. можно заключить, что данные службы были поставлены в такие условия, которые не позволяли им выполнять в полном объеме функцию обеспечения безопасности государства. Длительное время не было единого руководящего центра (ведомства) по координации их деятельности. Негативно сказывалось соперничество различных структур органов госбезопасности между собой. Скорее всего это кем-то инспирировалось. Не исключено, что иногда это могли быть искусственно создаваемые противоречия, организуемые не только властными структурами в тактических целях для поиска и выявления противников, врагов государства, но и различными кланами, борющимися за власть или

за влияние на нее, но при этом кадры, агентура, связи спецслужб кем-то выявлялись, что и позволило к 1917 г. и в начале его нейтрализовать их деятельность. Центральный аппарат органов спецслужб не смог на достаточно высоком профессиональном уровне уследить за многими векторами набравших силу противоречий в стране и даже смягчить их. Не способствовал этому и непрофессионализм многих чинов среднего и низового звеньев органов спецслужб.

Литература

1. Лейберов И.П. Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX вв. // Отечественная история. – 2004. – № 1. – С.181–182.
2. Лейберов И.П., Юрковский Н.К. А.В. Островский. Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С.174–176.
3. Степанский А.Д. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска // Отечественная история. – 2006. – № 5. – С.160–162.
4. Хаустов В.Н., Дейли Дж. Самодержавие в осаде. Охранная полиция и оппозиция в России (1866–1905 гг.) // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 180–182.
5. Будницкий О.В. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX века – начало XX вв.): сб. док. // Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 189–191.
6. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция реформам и проблема организации местного управления в России в 50–70-е годы XIX века // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 3–18.
7. Гайда Ф.А. Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса третьиюньской системы (1911–1917 гг.) // Отечественная история. – 2007. – № 4. – С. 42–56.
8. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: норма и повседневная жизнь корпорации // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 63–76.
9. Володин А.Ю. Фабричная инспекция в России (1882–1904 гг.) // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 23–40.
10. Шпопер Д., Долбиллов М.Д., Мамонов А.В. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ // Отечественная история. – 2007. – № 4. – С. 180–187.
11. Михайлова Ю.Л. Славянофилы и остзейский вопрос (40–60-е гг. XIX в.) // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 49–61.
12. Измозик В.С., Старков Б.А. Российская государственность и государственная безопасность // Отечественная история. – 2006. – № 2. – С.184–189.
13. Пегушев А.М., Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах (1900–1914 гг.) // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 209–211.
14. Бородин А.П. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. – 2000. – №3. – С. 48–69.

УДК 658.155(47) «1941/45»

В.Н. Шееченко

«МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ...»: К ВОПРОСУ О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные направления, проблемы и результаты деятельности по переводу предприятий оборонной промышленности на интенсивные методы хозяйствования. Работа выполнена на основе привлечения прежде всего архивных источников, впервые введенных в научный оборот.

Ключевые слова: оборонная промышленность, интенсификация производства, производительность труда, качество продукции, ценообразование, расценки, рентабельность производства, бюджет, эмиссия.